Как мы часто решаем не те проблемы промышленными средствами

Eliakim M. Kambale

FF-0001 · v1 · ru · 2026-11-17

Перевод en v1

https://contributions-ledger.org/freeforms/ff-0001/v1/ru/

Почему мы так часто воюем со своими прошлыми неудачами, порой рискуя всем, что построили с тех пор? Я размышляю о том, что значит преуспеть в жизни. Быть замеченным, вызывать восхищение, пользоваться уважением или накопить достаточно власти, чтобы добиваться своего? Подозреваю, что часть того, что выглядит как честолюбие, представляет собой попытку ответить на нечто случившееся гораздо раньше: когда нас не принимали всерьёз, не замечали, заставляли чувствовать, что в нас нет ничего особенно интересного или привлекательного, и так далее.

Люди порой создают великое, чтобы доказать кому-то его неправоту. Родителю, который никогда в них не верил, учителю, который пренебрежительно отзывался об их способностях, девушке, которая не принимала их всерьёз. Или женщина, чьи способности унижал преподаватель-мужчина, обращается к феминизму и решает сама стать профессором, чтобы показать: женщина тоже может добиться успеха. Достижение несёт тому человеку послание: «Ты ошибался во мне». Это касается и мужчин: мужчина покупает дорогую машину и ездит по району, где живёт отвергнувшая его женщина. Или выкладывает новые отношения в соцсетях в надежде, что бывшие увидят. Спустя годы суждение того человека всё ещё может определять, чему стоит посвятить усилия целой жизни.

Но здесь есть подвох. Представьте молодого ботаника, который в школе чувствовал себя невидимкой. Он работает до изнеможения и становится успешным предпринимателем. Теперь он притягивает внимание, но часть его исходит от людей, которым нужен доступ к его положению или деньгам. Именно то, что он приобрёл, чтобы стать желанным, мешает понять, желает ли кто-нибудь его самого. Деньги и власть могут изменить поведение окружающих, не меняя его чувств, когда кто-то его не замечает. Он может добиться успеха почти по всем общественным меркам и всё равно оставаться поглощённым вопросом, который когда-то заставил его бежать.

Дженсен Хуанг любит рассказывать историю о том, как познакомился в университете со своей женой Лори: он месяцами делал с ней домашние задания, прежде чем набрался смелости пригласить её на свидание. В его рассказе моё внимание привлекает состоявшийся обмен: он предложил ресурсы, чтобы получить её внимание, и это сработало. Возможно, он так и не научился действовать иначе и продолжал накапливать всё большие ресурсы и власть, чтобы обеспечивать себе это внимание, причём не только Лори, но, скорее всего, и других женщин. Хотя общеизвестно, что все мужчины платят за сексуальный доступ, опытный соблазнитель, возможно, добился бы свидания несколькими шутками, умением флиртовать и подходящей атмосферой, не потратив ни копейки. Вопрос в том, научился ли Хуанг когда-нибудь привлекать внимание без чего-то внешнего, заставляющего его сиять. В университете это были отличные оценки, которые он обещал Лори благодаря совместной работе над заданиями; позже это стали деньги, слава, должность генерального директора и связанные с ней влияние и власть. Его ресурсы росли, но менялся ли когда-нибудь способ искать привязанность?

Возможно, стать грозным кажется более осуществимым, чем подойти к человеку и рискнуть получить отказ. А возможно, её привязанность переплелась с другим желанием: стать тем, кого больше никогда нельзя будет не заметить. Тогда внимание одного человека несёт тяжесть гораздо более масштабного реванша. Удовлетворило бы его то, что он желанен, или ему по-прежнему необходимо стать тем, кого невозможно игнорировать?

Со стороны приписываемые Хуангу связи и потеря должности генерального директора выглядят глупым способом поставить под угрозу всё, что он строил тридцать три года. Однако, если посмотреть на его случай под другим углом, старая рана могла остаться его ахиллесовой пятой, а он мог не замечать, что выставляет её на обозрение всему миру каждый раз, когда рассказывает о знакомстве с женой. Поэтому любая женщина, предложившая немного тепла и внимания, могла добраться до молодого ботаника под всей этой властью. И прежде чем решить, что он принял «плохое» решение или неверно рассчитал риски, не забывайте: его подсознание, возможно, использовало власть правильно, то есть чтобы выиграть войны, в которых он никогда не побеждал. Для него это было не выбрасыванием всего ради столь малого вознаграждения, а наконец-то применением оружия по назначению, ради которого оно и приобреталось. Возможно, мы никогда не хотели построенного нами ради него самого. Это была военная машина против наших прошлых неудач, которую можно пожертвовать в попытке победить.

Порой мы создаём армию для войны, которую можно было закончить кухонным ножом. Человек годами накапливает богатство, потому что хочет быть желанным, хотя обучение тому, как соблазнить женщину, возможно, решило бы трудность более прямо. Я вспоминаю сюжеты телесериалов, в которых мужчина, не способный привлечь внимание женщины, идёт в армию, проходит суровую подготовку, становится завоевателем или обретает силу победить злодея. Он возвращается в надежде, что теперь она наконец посмотрит на него иначе. Если он мог бы попросить дар, зачем просить силу побеждать

армии или выигрывать поединки? Почему не попросить дар соблазнить девушку, с которой он изначально хотел заговорить, или способность вовсе перестать нуждаться в её внимании?

Меня всегда поражает, как люди способны творить чудеса и менять мир, лишь бы не менять себя. Я думаю о феминистках, которые настолько боятся ответственности, что ради безопасности женщин предпочитают перевоспитывать мужчин в вопросах согласия и уважения границ, вдалбливать мальчикам, что нельзя причинять женщине вред, вместо того чтобы самим учиться и учить девочек помладше распознавать опасность и избегать её.

Для меня подлинное обретение силы состоит в том, чтобы научиться защищать себя, где бы вы ни находились. Оно не должно зависеть от удачи жить в стране, где вы контролируете образование потенциальных обидчиков. Можно совершенствовать систему, но нельзя гарантировать, что каждый мальчик выйдет из неё правильно отформатированным. Даже если лишь один выйдет с изъяном, опасность всё ещё будет существовать.

Более простым и прагматичным решением было бы приобрести глубокое понимание человеческой природы, которое останется с вами повсюду. Оно позволяет распознавать опасность и избегать её без необходимости в огромном государственном аппарате, который переформатирует целое поколение мужчин.

Не желая отвлекаться от темы, всё же спрошу: почему ваша безопасность должна быть высшим благом, вокруг которого обязано перестроиться всё общество? Что даёт вам право переделывать всех остальных ради собственного удобства? Разве не самонадеянно, диктаторски и эгоцентрично решать, как другим жить, чтобы самому не прилагать никаких усилий? Я вижу в этом ментальность принцессы или богини, своего рода солипсизм: всё вращается вокруг меня; все должны служить мне и моим потребностям.

Ту же модель я вижу у матерей-одиночек, которые обвиняют мужчин в безответственности и в том, что те оставили их с младенцами. Некоторые могли бы выбрать более надёжного партнёра или держать ноги сомкнутыми до брака. Для меня это отражение мужчины, который завоёвывает мир в ожидании женского внимания, вместо того чтобы научиться её соблазнять: по сути, усердно решает не ту проблему.

Мужчины часто выбирают прагматичные решения. Чтобы избежать ложных обвинений, они избегают таких ситуаций, как разговор с коллегой-женщиной в кабинете за закрытой дверью, работа допоздна в офисе вдвоём с коллегой-женщиной или поездка в лифте наедине с женщиной. Им не нужно переформатировать целое поколение женщин, чтобы ни одна никогда ложно не обвинила невиновного мужчину в том, чего он не совершал. Они меняют собственное поведение. В этом вопросе мужчины более прагматичны. Но когда речь заходит о соблазнении, они забывают об этом прагматизме. Почему?

Возможно, потому что соблазнение переплелось с потребностью доказать свою правоту и ценность. Он хочет, чтобы её внимание окончательно подтвердило нечто о нём: что он

желанен, что те, кто его не замечал, ошибались, что он больше никогда не будет ничтожным. Защищая себя, он способен принять ограничение и изменить поведение. Её равнодушие может быть труднее принять, потому что оно ощущается как суждение о его ценности. Обучение флирту всё равно оставляет его открытым личному отказу. Накопление денег, статуса или власти предлагает фантазию о том, что однажды ему станет невозможно отказать.

Кроме того, в накоплении ресурсов может быть нечто привычное. Он умеет работать, конкурировать и накапливать. Чтобы подойти к человеку без этих защит, нужна другая способность, возможно, та, которой он избегал всю жизнь. Его мышление может оставаться весьма эффективным, служа эмоциональной цели, которую он никогда не исследовал. Выдающуюся компетентность можно посвятить решению не той проблемы.

Это возвращает меня к обычному человеку, ищущему магическую силу: почему просить, чтобы тебя больше никогда не отвергали, вместо того чтобы попросить невосприимчивость к отказу? Первое желание возлагает бремя на другого человека, чьим ответом невозможно управлять. Его чувство защищённости зависит от того, будет ли она по-прежнему его желать и будет ли кто-то другой вести себя так, чтобы оберегать его ощущение собственной ценности. Как бы могуществен он ни стал, она всё ещё может предпочесть другого или просто передумать. Защиту, которую он пытается приобрести, невозможно обеспечить до конца.

Способность выдержать отказ кажется более полезной силой. Говоря об иммунитете, я имею в виду состояние, в котором остаётся место небезразличию. Отказ всё ещё может причинять боль, особенно когда человек важен. Но разочарование не обязано становиться приговором, который нужно отменять годами достижений. Если отказ не угрожает всему, что вы думаете о себе, меньше причин колебаться, прежде чем попросить желаемого. Можно подойти к человеку, выразить интерес, сделать предложение. Такая уверенность может открыть некоторые двери. Закрытая дверь не обязана снижать самооценку или заставлять остальную жизнь казаться недостаточной. Обычный человек в поисках магической силы мог бы подойти к ней ещё до того, как стал необыкновенным. После этого у него была бы собственная жизнь, к которой можно вернуться.

Полезными кажутся три установки. «И это пройдёт» может облегчить боль отказа, дав чувству время измениться. «Отказ направляет в другую сторону» может вернуть желание стучаться в другие двери, предоставив вниманию новое направление. Отстранённость удерживает вас в состоянии принятия: каким бы ни был исход, вы продолжите жить. До сих пор вы жили без этого. Если ничего не получится, сможете продолжить жить без этого. Вы всё ещё можете этого хотеть и стараться получить. Возможность жить без этого даёт пространство принять ответ, в том числе тот, которого вы надеялись не услышать. Исцеление в этом смысле включало бы способность столкнуться со старым чувством, не организуя новую кампанию против него.

Некоторые войны предназначены не для материального трёхмерного мира, а для внутреннего. Я вспоминаю слова Иисуса: «Моё царство не от мира сего, но от мира вышнего». И знакомый пересказ мысли Юнга: «Пока вы не сделаете бессознательное сознательным, оно будет управлять вашей жизнью, а вы будете называть это судьбой».

Большинство наших порывов не являются рациональными решениями. Это эмоциональные реакции. Кто-то отвергает вас, оскорбляет или уделяет немного внимания, и внезапно вы готовы выстроить вокруг этого чувства всю жизнь. Усилие в духе Франкла состоит в том, чтобы создать некоторое расстояние между стимулом и своим ответом и решить, какая реакция уместна. Прежде чем создавать армию, возможно, стоит спросить себя, требует ли это чувство войны вообще.

Ссылка

Eliakim M. Kambale. (2026-11-17). Как мы часто решаем не те проблемы промышленными средствами. Freeforms, FF-0001, Версия 1 (ru). https://contributions-ledger.org/freeforms/ff-0001/v1/ru/